

НОВЫЕ КНИГИ

И. В. Павлюткин

Три саги об экономике, или Особенности профессиональной кухни

Рецензия на книгу: Fourcade M. 2009. *Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s*. Princeton: Princeton University Press. 416 p.

ПАВЛЮТКИН Иван Владимирович — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры экономической социологии, старший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ (Москва, Россия).

Email: ipavlutkin@hse.ru

Марион Фуркад известна российским социологам прежде всего по работам о взаимосвязи между рынком и моральным порядком, в которых показаны различные эффекты рынка как феномена культуры (см.: [Fourcade, Healy 2007; Фуркад 2010]).

Однако её первая книга — результат авторского проекта по социологии экономического знания, а точнее по «сравнительной социологии знания и политики на эмпирическом примере экономической науки» [Фуркад 2011: 8]. Автор обозначает свою позицию в поле экономической социологии, подчёркивая особую роль социологии экономического знания в осмыслении современных хозяйств. «Социология экономического знания должна стать предварительным условием всякой экономической социологии, во-первых, потому что анализ социальных условий, лежащих в основе того, что мы знаем о хозяйстве, даёт понятные основания для потенциальной реконструкции этого самого знания; во-вторых, что более важно, потому что экономика (*economics*) — неотъемлемая часть хозяйства в том виде, в каком оно существует сегодня. Точнее, специфические, зависимые от контекста формы экономического знания являются неотъемлемой частью конкретных хозяйств в том виде, в котором они сегодня существуют» (с. 261).

Монография готовилась по материалам диссертации, тема которой — «The National Trajectories of Economic Knowledge: Discipline and Profession in the United States, Great Britain, and France» («Национальные траектории экономического знания: дисциплина и профессия в США, Великобритании и во Франции»). Её Фуркад защитила в Гарвардском университете в 2000 г. Эмпирический материал для диссертации и будущей книги автор начала собирать ещё в середине 1990-х годов. Получается значительный по времени исследовательский цикл от начала проекта до публикации его результатов. В итоге книга «Экономисты и общества» признана профессиональным сообществом, и уже два года подряд автору присуждают различные награды Американской социологической ассоциации.

О чём эта книга? Уже на первой странице автор заявляет, что это «глобальная история новой формы экспертизы, завоевавшей весь мир» (с. 1). Речь идёт об экономике как о дисциплине и профессии, которой удалось расширить область своего применения и выйти далеко за пределы своей формаль-

ной юрисдикции. Автор регулярно указывает и подтверждает примерами два ключевых тренда развития экономики как дисциплины и профессии: постоянное расширение области её профессионального применения (Экономисты везде! В банках, аудиториях, правительствах, некоммерческих организациях и т.д.); её интернационализацию и возникновение образа глобальной экономической профессии (по американскому стандарту). Действительно, благодаря стандартизации и технологизации производства экономического знания экономика как дисциплина и профессия приобрела легко транслируемую форму, расширив область своего применения как по отношению к другим сферам экспертизы, так и в глобальном измерении, распространившись по странам и национальным экономикам.

Однако нетрудно заметить, что книга «Экономисты и общества» направлена против определённого восприятия экономического знания как продукта развития истории экономической мысли и идей, написанной самими экономистами. Кроме того, автора не устраивают тезисы об универсальности экономического знания в эпоху интернационализации экономики и о внутренней согласованности экономической дисциплины и её чётких границах (с. 3). Эта книга противостоит истории, которая проповедует универсальность «производства» экономического знания вне границ национальной культуры с её пониманием роли экономики в обществе и экономической профессии в частности. Автор стремится вернуть нас на землю и показать, что наше осознание того, что же такое экономика, способно прийти только вместе с пониманием её временного и пространственного измерения. Цель исследования — показать социальные условия производства экономического знания и наблюдаемые различия в национальных траекториях развития экономики как дисциплины и профессии.

Книга состоит из введения, четырёх глав и заключения. Во введении М. Фуркад излагает замысел и логику всей монографии, описывает методологию исследования, формулирует ключевые понятия. По сути, введение представляет собой программу исследования о взаимосвязи между культурой и экономическим знанием, которая реализуется в остальных главах книги. Первая глава книги («Institutional Logics in Comparative Perspective») посвящена сравнению развития политической культуры и институтов в США, Великобритании и во Франции и их роли в создании экономистов разного сорта. Автор утверждает, что, опираясь на институциональный подход и показывая, каким образом различные социальные системы делают легитимными конкретные типы акторов, мы можем понять, как национальный контекст формирует траектории развития экономики (с. 31). Например, центральное место рыночных институтов в политической культуре США придало там экономической профессии её специфический характер. Так называемые меркантильные профессионалы (*Merchant Professionals*) в США — продукт развития экономики, для которой важны квалификация, аполитичность, владение инструментальными математическими навыками¹. Во Франции, при значительной роли государственной бюрократии, экономическая профессия оформлялась как подготовка технократов, которые заполняют организации, администрирующие экономику («администраторы-технократы» — *Statist Divisions*). В британской «модели», при слабой роли государства, идентичность экономиста исторически оформлялась через его укоренённость в группах образованной интеллигенции, чьи знания должны быть направлены на создание общественного блага («благородные учёные» — *Public-Minded Elites*). Британский образец экономической профессии относят к так называемой среднеатлантической, или смешанной, модели, которая, с одной стороны, интеллектуально близка к США, но, с другой — по системе образовательной стратификации и престижности гражданской службы вписывается в традицию континентальной Европы (с. 183). Надо сказать, что оформление экономики в качестве автономной дисциплины и про-

¹ При переводе на русский язык названий типов экономистов в США, Великобритании и во Франции, употребляемых М. Фуркад, воспользуемся вариантами, предложенными в рецензии О. Кирчик, где понятие *Merchant Professionals* переводится как «меркантильные профессионалы», *Public-Minded Elites* — как «благородные учёные», а *Statist Divisions* — как «администраторы-технократы» [Кирчик 2011: 102]. Данное толкование представляется удачным, однако перевод *Public-Minded Elites* может иметь множество трактовок, поскольку, описывая тип экономиста Великобритании, Фуркад имеет в виду как его происхождение и обучение, так и его активную публичную (общественную) позицию. Быть экономистом в Британии означает мыслить публичными категориями.

фессионального занятия в разных странах происходило по-разному. Если в США процесс профессионализации экономики начался относительно рано (с 1920-х годов) и проходил экстенсивно, то в Великобритании и Франции до недавнего времени было сложно определить, что же входит в понятие «профессиональный экономист».

Во второй, третьей и четвёртой главах книги показано, каким образом взаимосвязаны объективные и субъективные различия в формировании экономики как дисциплины и профессии. В каждой главе, посвященной национальной траектории развития экономики, автор опирается на обширные материалы интервью. В приложении к книге читатель найдёт список информантов (их профессиональные позиции), давших 95 интервью в 1995–2005 гг. Это были экономисты из Франции, Великобритании, США и Германии. Построение глав, раскрывающих процесс и специфику оформления экономической профессии в трёх странах, отличается от простого описания кейса. В каждой главе, посвящённой отдельному типу экономической профессии («меркантильные профессионалы» в США, «благородные учёные» в Великобритании, «администраторы-технократы» во Франции), производится соотнесение с другими странами по каждому анализируемому институциональному порядку. Ответ на вопрос, как конкретная политическая культура породила определённый тип экономической профессии, предполагает также понимание того, почему она не смогла бы создать никакой другой тип этой профессии.

Оформление экономики в качестве автономной дисциплины наиболее интенсивно происходило в США, чему способствовали идея рыночного доминирования в экономике вместе с утверждением профессиональной государственной бюрократии и усилением дисциплинарной организации высшего образования, создающей конкуренцию внутри самих университетов. Экономика как профессия в США в отличие от других стран формировалась в качестве формального академического занятия, в котором преимущество отдавалось научным достижениям и сертифицированным квалификациям (с. 62). Профессия экономиста в Великобритании на протяжении длительного периода истории не была формализована. Авторитет в этом поле достигался, скорее, через взаимное признание в плотных сетях элитных учебных заведений, чем через успехи в учёбе или научные публикации. Экономистом в британском контексте признавался тот, кто обладал богатым опытом общественной жизни и вместе с тем имел расположение к написанию записок, комментариев и участию в политике. Как отмечает сам автор, под такое определение могли подходить государственные служащие, журналисты, политики, финансисты и бизнесмены, хотя в центре, несомненно, находилась ученая элита Оксфорда, Кембриджа и Лондона, которая также принимала участие в публичных дебатах, неформальных консультациях и теневой политике (с. 130). Во Франции долгое время существовала неопределённость статуса профессии экономиста. Фуркад указывает на её сегментацию в зависимости от статуса учебного заведения и включённости в административную корпорацию государства, которая с определённого времени начала доминировать в производстве экономического знания, что создавало препятствия для его коммерциализации. В итоге во Франции понятие экономической компетенции формировалось в процессе конкуренции между общественной бюрократией и академической средой (с. 235).

Книга М. Фуркад по стилю изложения и подходу перекликается с известной книгой Ф. Доббина «Формирование промышленной политики» [Dobbin 1994; Доббин 2004]. Обе книги представляют собой исследования по сравнительному историческому институционализму, написаны на эмпирических примерах США, Великобритании и Франции и опираются на важную роль устройства политической культуры в объяснении национальных различий. Однако излагая собственную исследовательскую программу, Фуркад подчёркивает различия в понимании политической культуры, способах её измерения. Она говорит о важности исследования политических институтов, которые помогают указать, как материализуется культура (с. 22). В её понимании политическая культура и политическая логика не даны априори в качестве причины. Они должны быть реконструированы через детальный эмпирический анализ реализации этой логики в институтах. Автор осуществляет историко-социологическую реконструкцию порядка обучения (*order of learning*), административного порядка (*administrative order*) и

экономического порядка (*economic order*) в трёх национальных культурах производства экономической профессии. Анализ административного порядка позволяет определить, каким образом государство в разных странах формировало «социальный заказ» на экономистов, тем самым создавая образ востребованной профессии, а также помогает понять, как происходила институционализация экономического знания в самом государственном аппарате. Порядок обучения задаёт видение профессиональных траекторий через определение различий в моделях обучения, структуре учебных заведений, системах сертификации, делающих легитимными определённые категории акторов. Экономический порядок отражает значение экономической организации общества для профессионализации экономистов в разных странах, в том числе способность «делать деньги» как один из материальных факторов роста тех или иных профессий.

Значительного внимания заслуживает исследовательская стратегия, заявленная и реализованная в монографии. Лейтмотивом для всей книги служит вопрос о взаимосвязи идей и институтов. По утверждению Фуркад, этот вопрос мало дискутируется. Действительно, появляются работы, показывающие влияние различных форм экономического знания на развитие экономики и общества и, наоборот, выполненные на одном и том же материале, что часто приводит к очевидным противоречиям. Для того чтобы начать дискуссию, необходимо уйти от априорных утверждений и превратить вопрос о взаимосвязи идей и институтов в предмет исследования в разных перспективах. Вместо того чтобы сосредоточиться на причинах, делающих конкретные виды знания возможными в данный исторический момент, Фуркад ставит перед собой задачу анализа взаимодействия между формами политической организации и формами производства знания в конкретных социальных условиях (с. 239). Методологическая сложность такой задачи заключается в отсутствии единого концептуального аппарата и метрики, которая позволила бы провести сравнительное исследование. Как указывает автор, «экономика, возникающая в той или иной стране, инкорпорировала различные концепции и практики политического, различные понимания природы и целей государства» (с. 238). В книге подчёркивается неадекватность выводов исследований, занимающихся одномерными статистическими межстрановыми сравнениями. Например, при эмпирическом изучении порядков обучения (*order of learning*) необходимо понимать, что различия между высшими школами (*grandes écoles*) и университетами во Франции будут иными, чем иерархия отношений между частными американскими университетами, входящими в ассоциацию «Лига плюща» («Ivy League»), и всеми остальными высшими учебными заведениями США; то же относится и к представлениям о старых, новых и новейших университетах в Великобритании (с. 251–252). Для установления объективных и субъективных различий в траекториях развития экономической профессии в разных странах Фуркад предлагает метод критически организованного сравнения (*critically organized comparison*) и стратегию совмещения количественных и качественных методов исследования (с. 12). Позиция автора состоит в том, чтобы не относиться к национальным культурам как к самодостаточным, самостоятельно определяющим всё, что происходит внутри них, но показать структурную, диалектическую взаимосвязь между институтами (в частности, между политическими институтами) и знанием: «Цель состоит в обнаружении определённых сходств и различий в том, как экономическая профессия институционально, интеллектуально и по своей профессиональной юрисдикции структурирована по странам» (с. 243). Исследовательская стратегия заключается в том, чтобы, с одной стороны, установить объективные различия, структурирующие производство экономического знания в трёх национальных системах (исследование системы подготовки, занимаемые экономистами социальные и профессиональные позиции, ресурсы, распределяемые на экономические исследования различных типов), а с другой — прояснить субъективные различия (представления о проблемах и решениях, с которыми работают экономисты, об их практиках в науке и различных формах экспертизы результатов их деятельности) — понять, кто населяет эти по-разному структурированные миры. Опираясь на идеи П. Бурдьё, Фуркад пишет: «Профессиональные привычки экономистов приобретают смысл только тогда, когда мы можем установить социальную структуру, которая их произвела» (с. 245).

В заключении к книге Марион Фуркад делает два основных вывода. Первый состоит в том, что социальные структуры, в которых живут экономисты, в сильной степени обладают национальной спецификой, имеющей свои историю, регулирующие институты, формы борьбы — как материальной, так и символической. Второй вывод, к которому последовательно подводит автор, такой: социальные структуры экономики как дисциплины и профессии также являются международными, и быть экономистом сегодня означает не замыкаться на специфике национального стиля и поля деятельности. Однако сама Фуркад указывает на недостаточную проработанность темы интернационализации в её монографии.

В результате у читателя возникает недоумение: каким образом в описываемой автором истории соотносятся национальный и интернациональный уровни развития экономической дисциплины и профессии по мере её превращения в глобальную дисциплину и профессию? Если следовать логике автора, то развитие политических институтов является движущим фактором, запускающим административный, академический и экономический порядок, что, в свою очередь, приводит к формированию образа экономического знания и профессии на национальном уровне. Можем ли мы говорить о таких же «закономерностях» на международном уровне? Марион Фуркад отмечает, что сегодня происходит стандартизация экономической профессии по американскому образцу: «Всё, что так или иначе совершается внутри американского поля экономистов, действует как структурирующая сила для всего остального мира» (с. 245) Тем не менее непонятно, каким образом это структурирование проявляется в других национальных контекстах.

На субъективный взгляд автора, получилась гладкая институциональная история, несмотря на попытки инкорпорировать в анализ идею структурного доминирования П. Бурдьё и конкуренции в поле профессий Э. Эббота. История политических институтов и структур экономической науки, которую пишет Фуркад, не ставит перед собой задачу отследить циркуляцию идей и интеллектуальных споров. Она указывает на необходимость поиска взаимосвязи между идеями и институтами в исследованиях экономики и общества. При этом приходится отказаться от логики экзогенности идей по отношению к политическим системам и исследовать то, каким образом рождаются и воплощаются идеи с учётом политических, академических и экономических институтов (с. 242).

Статья «Никакой истории идей, пожалуйста, мы же экономисты!» М. Блауга, классика методологии экономической науки, начинается с указания на увядающее состояние истории экономической мысли, несмотря на рост числа конференций и журналов по этой дисциплине: «Ни для кого не секрет, что изучение истории экономической мысли не считается слишком авторитетным занятием среди большинства экономистов, а иногда даже рассматривается как проявление антикварианизма (*antiquarianism*)... Практически каждый, кто пытался говорить о роли истории экономической мысли в современной экономике за последние 30 лет, подчёркивал устойчивое снижение интереса к этой области после Второй мировой войны и её фактическое исчезновение из учебных планов на уровне не только магистерской, но и бакалаврской программы. Такая тенденция более характерна для США, чем для Европы, но её проявления заметны во всем мире» [Blaug 2001: 145]. Книга М. Фуркад — хороший повод задуматься о том, что движение в сторону отказа от изучения собственной истории и профессионального становления экономики в пользу выделения отдельной, обособленной профессиональной и стандартизированной области вполне на руку интернационализации экономической профессии по наиболее удобному для трансляции образцу.

Литература

- Доббин Ф. 2004. Политическая культура и индустриальная рациональность. *Экономическая социология*. 5 (1): 45–62. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2004-5-1/index.html>
- Кирчик О. 2011. Рецензия на книгу Marion Fourcade. *Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s*. Princeton: Princeton University Press, 2009. *Laboratorium*. 2: 100–103.
- Фуркад М. 2010. Хозяйство и общество: анализ рынка сквозь призму моральных категорий. *Экономическая социология*. 11 (1): 141–149. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2010-11-1/index.html>
- Фуркад М. 2011. Интервью с М. Фуркад: «История развития дисциплины в каждой стране своя». *Экономическая социология*. 12 (4). URL: <http://www.ecsoc.hse.ru/issues/2011-12-4/index.html>
- Blaug M. 2001. No History of Ideas, Please, We're Economists. *Journal of Economic Perspectives*. 15 (1): 145–164.
- Dobbin F. 1994. *Forging Industrial Policy: The United States, Britain, and France in the Railway Age*. Cambridge, England; N. Y.: Cambridge University Press.
- Fourcade M., Healy K. 2007. Moral Views of Market Society. *Annual Review of Sociology*. 33: 285–311.